

Крылов Виктор Александрович

Столбы

**Старая погудка на новый лад; Черты
нравов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Александрович К.**
Столбы: Старая погудка на новый лад; Черты нравов / Крылов Виктор Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 218 с.

ISBN 978-5-519-91355-3

ISBN 978-5-519-91355-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ виду скорѣйшаго печатанія и наибольшаго распространенія, я началъ помѣщать предлагаемые очерки фельетонами въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». По обстоятельствамъ, ни отъ меня, ни отъ редакціи независящимъ, даже можно сказать, по нѣкоторому недоразумѣнію, печатаніе это пріостановилось на 3-ей главѣ; такимъ образомъ промежутокъ между 3-ей главой и 4-ой дѣлался весьма большимъ, да и весь рассказъ приходилось растянуть почти на два мѣсяца. Это побудило меня, съ согласія редакціи, прекратить печатаніе очерковъ въ Вѣдомостяхъ и издать ихъ отдѣльной книгой.

Но уже по поводу появившихся въ печати первыхъ трехъ главъ, мнѣ довелось отъ кое кого слышать такое мнѣніе, о которомъ я не могу промолчать, выпуская въ свѣтъ и всѣ остальные. Мнѣ высказали упрекъ, будто я дѣлаю до нѣко-

торой степени общимъ порицаніемъ дворянства частный фактъ злоупотребленія.

Мнѣ казалось, что и хорошее, и дурное, въ моихъ очеркахъ, слишкомъ прямо намѣчено, чтобы нужно было читать еще между строками и задавать себѣ вопросъ: какую роль дворянство вообще играетъ въ этой книгѣ?.. Я собственно и не думалъ о дворянствѣ, когда писалъ мой рассказъ; дѣйствующія лица его являлись мнѣ просто людьми, болѣе или менѣе — хорошими или дурными, какъ встрѣчаешь ихъ всегда и всюду во всякой средѣ, во всякомъ сословіи... Члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, принявшіе просьбу крестьянъ, двое губернаторовъ, посредники и предводители уѣзда, нѣкоторые изъ судей и дворянъ просто помѣщиковъ, — въ большей или меньшей мѣрѣ остаиваютъ столбовое дѣло; Куличевы, Фискели, фонъ-деръ-Галлены, стараются его затушить... Что и тѣ, и другіе — дворяне, дѣло случая. Борьба двухъ лагерей позорить не всѣхъ борющихся — и въ высшей степени говоритъ въ пользу тѣхъ, на чьей сторонѣ честность и правда....

Какой-же тутъ можетъ быть разговоръ о сословномъ чернѣніи? Кого же заставляю я ви-

дѣтъ дворянство въ худшихъ людяхъ, а не въ лучшихъ? — кого обязываю тѣсниться въ ряды Куличевыхъ, Фискелей и имъ подобныхъ?... и какое-же дворянство, ради боязни, что выносятся соръ изъ избы, скорѣе захочетъ мириться со всякой грязью, которая накапливается годами и жизнью?..

В. К.

I.

Кто раза два-три гдѣ бы то ни было путешествовалъ, тотъ большею частью пріобрѣтаетъ къ путешествію непреодолимую страсть, — и, если онъ петербуржецъ, какъ только тронется Нева, какъ только разные полнокровные и малокровные, худые и толстые, начнутъ собираться на воды — его такъ и тянетъ куда-нибудь вонъ изъ столицы. Признаюсь, я тоже имѣю отчасти эту слабость: видѣть, хоть бы бѣгло видѣть, новую жизнь, новыхъ людей, новыя мѣста; провести свой день не какъ всегда, не по заведенному порядку, не по наѣзженной колеѣ, для меня время отъ времени дѣлается почти необходимостью. Потому-то я съ жадностью схватился за предложеніе моего пріятеля, мирового посредника, Алексѣя Петровича Иванова, погостить мѣсяць другой у него въ деревнѣ. Я таки поколесилъ по святой Руси: видѣлъ и Кіевъ златоглавый, съ его пещерами и мощами, и пыльную Одессу, былъ и въ Крыму, проѣхалъ вдоль Днѣпра, Дона и Волги, но собственно жить въ провинціи, то есть жить близко

ко всѣмъ интересамъ провинціального общества, мнѣ не случилось. Въ предложеніи посредника меня особенно плѣняло то, что я все время буду подлѣ него, не только въ домашнемъ его обиходѣ, но и въ служебномъ — и я отправился.

Деревня Иванова находится въ одной изъ нашихъ западныхъ губерній, въ пятнадцати верстахъ отъ уѣзднаго города, который мы назовемъ Провалишинымъ. Весь уѣздъ Провалишинскій славится здоровымъ воздухомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ: такъ, по-крайней-мѣрѣ, увѣряютъ тамошніе жители. Что касается меня, то я долженъ замѣтить, что въѣзжалъ въ уѣздъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Мнѣ было хорошо, уѣздъ производилъ на меня при первой встрѣчѣ впечатлѣніе благотворное, и я готовъ былъ вѣрить туземной рекомендаціи. Весело глядѣлъ я, какъ вокругъ меня то появлялись, то исчезали все новые и новые виды: и поля, и лѣса, и деревни; невольно навязывались мысли о теперешнемъ новомъ житьѣ-бытьѣ деревенскомъ; какъ-то отразились на немъ эти семь лѣтъ послѣ крестьянской реформы, эти нѣсколько лѣтъ существованія земскихъ учрежденій и гласнаго суда... Мнѣ было любо стать къ этой жизни лицомъ къ лицу, увидѣть ее не въ книгѣ, а въ дѣйствительности — и хоть немножко расчислить себѣ дремучій лѣсъ всевозможныхъ толковъ про нее, которыми угощаетъ насъ печатное слово.

Мы въѣхали въ заповѣдную помѣщичью рощу. Старыя массивныя березы густо тѣснились по сторонамъ, ихъ объемистые стволы, съ потрескавшейся берестой, до половины высоты заросли сизымъ мхомъ,

а тонкія длинныя вѣтви красивой зеленой бахромой падали чуть не до самой земли...

— Ишь вѣдь какія старушки... думалось мнѣ,—много, чай, вы народу пережили! И чего-то на вашемъ вѣку не пришлось вамъ видѣть?... Съ какими-то думами, съ какими-то надеждами и цѣлями ходилъ и ѣздилъ здѣсь людъ православный, когда вы еще были молоды?!... Сколько стону и плача приходилось вамъ слышать, сколько-то вѣтокъ вашихъ было поломано о мужицкія спины... Но миновали тяжелые годы, когда вы только-что появились на свѣтъ, дождались вы, родимыя, иныхъ дней: не потревожить вашу свѣжую листву причудливая рука помѣщика, услужливая рука становаго на крутую расправу.

Вотъ и рощу проѣхали и снова раскинулась передъ нами широкая даль. На полѣ, тамъ и самъ, погоняя тощую глянченку, ходили за сохой мужики... Ходили они взадъ и впередъ молча, какъ бы съ полнымъ отсутствіемъ всякой мысли, взрывая сѣроватую бѣдную почву — да изрѣдкѣ покряхтывая или понукая лошадь... Да! еще и теперь куда не завидна доля твоя «братъ-селянинъ!» Вотъ ходишь ты по одной и той же полосѣ всю свою жизнь, только для того, чтобы существовать, и существуешь для того, чтобы ходить... Но, по крайней мѣрѣ, теперь ты можешь видѣть какая тебѣ польза отъ большаго или меньшаго труда, — по крайней мѣрѣ, никто не имѣетъ права отнять у тебя — ни за что ни про что — твои рабочія деньги...

Я отгонялъ отъ себя всякія черныя думы...

Мы поравнялись съ какой-то деревней очень

страннаго вида. На горѣхъ, вдоль красиваго берега извилистой рѣчки, тянулись изящныя избы, можно даже сказать—маленькіе домики въ русскомъ стилѣ, съ тесовыми крышами, съ размалеванными ставеньками, съ рѣзными украшеніями. Кое-гдѣ ставеньки пооторвались и крыша провалилась, но все свидѣтельствовало, что когда-то рука человѣческая старалась тутъ о красотѣ и роскоши. А рядомъ съ этими домиками, подлѣ задняго ихъ фасада, лѣпились нищенскія полуразвалившіяся курныя избы, съ крошечными окошечками, съ покосившимися дверьми, съ прѣлою соломенной крышей. Каждому домику соотвѣтствовала курная изба, такъ-что, по видимому, домикъ и изба принадлежали одному хозяину.—Что-бы это значило?—подумалъ я,—на что имъ такія черныя избы, когда тутъ же рядомъ у нихъ такое прекрасное жилье?

Я сообщилъ свое замѣчаніе ямщику.

— Какъ тамъ жить, отвѣчалъ онъ, лѣтомъ такъ еще ништо, а зимой не проживешь, — холодно. Мужики здѣсь бѣдные, дровешками — такъ по сторонамъ нобираются, а она вишь-ли какая хоромина... скоро-ль ее натопись?

— Такъ зачѣмъ же ихъ строили?

— Это казанки... Казовыя избы, — прибавилъ онъ, видя, что я не понимаю, — баринъ строилъ, чтобъ ему оттелева съ усадьбы видко было...

Дѣйствительно, нѣсколько наискось противъ деревни показались широко разбросанныя строенія богатой барской усадьбы. Большой каменный домъ стоялъ такъ, что изъ оконъ его и съ террасы, смотря

на деревню, можно было видѣть только домики ея, за которыми ловко скрывались курныя избы.

— Видно, — обратился я снова къ ямщику, — видно баринъ-то здѣшній любилъ, чтобъ вокругъ него все красивымъ казалось?

— Ужъ такъ-то любилъ, что вонъ гору велѣлъ насыпать.

Ямщикъ показалъ на небольшой пригорокъ, живописно раскинувшійся передъ домомъ.

— Развѣ эта гора насыпная?

— Это насыпная. Здѣсь прежде ровно мѣсто было.

— Гдѣ я?—невольно мелькнула мнѣ мысль,—ужъ не въ Египтѣ ли? Не появится ли откуда-нибудь подоблачная пирамида... или лабиринтъ какой нескончаемый?...

Но ни пирамиды, ни лабиринта не появилось, а появилось нѣчто подобно имъ: появилась роскошная усадьба, обнесенная длиннымъ каменнымъ заборомъ, разостлавшаяся на добрыхъ двѣ-три десятины, и съ такимъ огромнымъ количествомъ разныхъ построекъ и пристроекъ, что смѣло могла конкурировать ими и не съ однимъ изъ уѣздныхъ городковъ какого-нибудь благословеннаго русскаго захолустья. Заборъ въ одномъ мѣстѣ не то развалился, не то растаскали его на печи сосѣдніе мужики, — широкая прорѣха раскрывала всю внутренность прихотливаго барскаго хозяйства. И видѣлся въ ту прорѣху красивый двухъ-этажный домъ, съ закрытыми ставнями, съ заколоченнымъ крыльцомъ... Къ дому съ трехъ сторонъ примыкалъ густой запущенный садъ, теряясь въ отдаленіи; а дворъ былъ

загромождень огромными, крѣпко-сложенными постройками, съ разбитыми стеклами въ окнахъ, съ изломанными почернѣвшими рамами. У иного амбара дверей совсѣмъ не было, у иного сарая деревянная крыша прогнила и сквозь дыру пробивался свѣженькій кустикъ березы; а тутъ же рядомъ, жалкой развалиной прежняго величія, торчали на половину выведенныя стѣны... и никогда уже не суждено этимъ стѣнамъ преобразиться въ какое-нибудь, на что-либо пригодное, строеніе, потому что даровой трудъ воздвигалъ эти стѣны, и гдѣ положень предѣлъ даровому труду, тамъ положень предѣлъ и стѣнамъ. И сколько, чай, народу нѣкогда сновало и работало во всѣхъ этихъ амбарахъ, конюшняхъ, сараяхъ, и на ткацкой, и въ столярной, и на скотномъ дворѣ... но пробилъ часъ, и вдругъ остановилась вся эта суетня... и казалось, какъ были крѣпко связаны между собой эти люди, а разбрелись они въ разныя стороны, старательно забывая объ этой жизни. Ни живой души не показалось намъ на глаза, ни коровы, ни лошади, ни даже пѣтуха... одна старая собака лежала у воротъ, да и та не обратила на насъ никакого вниманія, даже не подняла морды, не удостоила взглянуть на насъ.

— Баринъ-то, кажется, здѣсь ужъ не живетъ.. сказалъ я.

— Баринъ уѣхатчи, отвѣчалъ ямщикъ.

— А давно?

— Какъ воля вышла, съ тѣхъ поръ и уѣхатчи.

— Что-жъ воля ему что-ль не понравилась?